

УДК 322+327.8

Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния

Русакова Ольга Фредовна

Доктор политических наук, профессор,
заведующий отделом философии,

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 68;
e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Корнеева Вера Александровна

Заведующий отделением конфликтологии и управления,
Институт психологии
Уральского государственного педагогического университета,
620017, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26;
e-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальных тем последних двух лет – балансу «политического» и «спортивного» в развернувшемся олимпийском дискурсе. Спорт как инструмент «мягкой» силы в национальной политике стран является предметом изучения современной политической науки и теоретической основой внешнеполитических стратегий. Спорт рассматривается авторами как самостоятельный, мобильный ресурс и идентификатор политического имиджа и влияния. В методологии концепта «мягкой» силы спорт представляется как социальный атрибут и культурно-символическая репрезентация региональной и национальной политики, их стратегии, достояния, привлекательности и престижа. Гегемония такого представителя «мягкой силы» (soft power), как спорт, в национальной линейке брендовых ресурсов – популяризирующий и комплексный индикатор решения социально-культурных, экономических и политических задач. Политическая рефлексия контрагентов в лице политической элиты других стран заставляет их вырабатывать новые стратегические планы по нивелированию потенциала реализации «мягкого» могущества других стран, в том числе и их спортивного достояния. Политическая технология ведения спортивной «войны» сегодня – пинг-понг околоспортивных обвинений и контробвинений. Развернувшееся «западное» противодействие на-

личному спортивному достоянию России инициирует интерцессию множества структур, ответственных за спортивное движение, в том числе международных. Не имеющая аналогов в новейшее время флуктуация по субъектам и регуляторам спортивного сожительства демонстрирует воспроизведение новых механизмов и форм интеракции в спортивном дискурсе, что с очевидностью позволяет констатировать параллельную институализацию процесса конфликто разрешения в нем. Данная статья затрагивает два востребованных на сегодняшний день инструмента дискредитирования спортивного имиджа России: коррупцию и допинг.

Для цитирования в научных исследованиях

Русакова О.Ф., Корнеева В.А. Спорт как сфера применения «мягкой» и «жесткой» сил политического влияния // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 5А. С. 195-207.

Ключевые слова

Спорт, политизация спорта, «мягкая» сила, «жесткая» сила, институализация, коррупция, допинг.

Баланс «политического» и «спортивного» в олимпийском дискурсе

Проблематика дискурса «мягкой силы» переживает настоящий бум своего развития. Теория, имеющая фундаментальные теоретико-методологические обоснования в лице Джозефа Ная-младшего, а позже как в трудах самих американских политологов, так и в исследованиях отечественных ученых и школ, продолжает насыщаться научными изысканиями в области «первенства» и «предтечи» идеологических платформ зарождения концепта «мягкой» власти. Авторы в поисках идей, схожих по своему действию с «мягкой силой», ссылаются на целую плеяду мыслителей-предшественников: Лао-Цзы (VII в. до н.э.), А. Грамши, Ж. Бодрийяра, Ж. Липовецки, М. Фуко, Дж. Батлер, Л. Альтюссера, Ю. Хабермас, З. Бауман. Историографические обзоры эволюции методологических предвестников концепта носят главным образом философское и политологическое осмысление. Однако «всенаучную» популярность и широкое распространение эта теория получает благодаря прикладному потенциалу своего содержания: механизмы и инструменты реализации «мягкого» влияния становятся востребованной практикой, ресурсом поливариативного движения. Теория soft power приложима ко всем сферам и процессам социального бытия человека, где обнаруживает себя в качестве самостоятельной стратегии развития, выступает природой и теоретическим обоснованием предпочтительных способов реагирования и реализации власти.

«Изменения в современной избирательной системе России как проявления soft power», «Исторические аналогии политики soft power на Северном Кавказе», «Soft power в системе

государственного и муниципального управления в России», «Soft power в формировании самостоятельности студентов вуза в условиях бакалавриата», «Economic soft power как ресурс развития малого предпринимательства» – пример тем конференц-зала, посвященного теории и ресурсам soft power в рамках международной конференции (2014 г.). Очевиден многоаспектный характер ресурсных потенциалов имплантации концепта в практику функционирования внутригосударственных и международных институтов, повышающих их конкурентоспособность, репутационную славу, а в итоге – национальный имидж страны.

Научная новизна, методологичность, предсказательная сила и бездонный практицизм концепта позволяют, во-первых, применять его к широкому кругу явлений, а во-вторых, инициировать процесс консолидации научного сообщества вокруг тематического поля с последующей локализацией научного интереса в его границах. «На сегодняшний день в нашей стране сложился круг авторов, сделавших концепт «мягкой силы» специальным предметом своих исследований. Среди них: В.М. Капицын, М.М. Лебедева, Е.Г. Понамарева, О.Ф. Русакова, О.В. Столетов и др. В настоящее время в Московском государственном институте международных отношений и в Институте философии и права Уральского отделения Российской академии наук формируются научные центры по изучению soft power. Российскими исследователями ведется поиск концептуального ядра «мягкой силы», выявляются препятствия на пути использования стратегии soft power в политических практиках. Тематика работ различна: анализ «мягкой силы», осмысление и критика статей Дж. Найя, исследование «мягкой силы» во внешней политике США, Китая, России и др.» [Ковалева, 2013, 126-127]. «Львиная» доля этого «мягкого» научного ресурса обнаруживается в работах уральских авторов и институтов: Международная академия дискурс-исследований, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Гуманитарный университет (г. Екатеринбург), Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина и других экспертных сообществ в дискурсе soft power. Большим подспорьем для плодотворного аккумулирования материала по видам и ресурсам «мягкого влияния» послужили два якорных события: Первая международная конференция SOFT POWER: теория, ресурсы, дискурс (2014 г.) и выход в свет одноименной монографии (2015 г.) [Грибовод, Русакова, 2014, 193-195; Русакова, 2015]. Научное сообщество активно ведет процесс «приватизации» новых тематических изысканий в области параметров оценки и ресурсов реализации «мягкой силы», поддерживающих национальное могущество стран. На сегодняшний день можно констатировать наличие целой «палитры» «мягкой силы» в методологии дискурсивного подхода. Контент-анализ специализированных источников позволяет выделить целый «ансамбль» параметров и векторов оценки soft power. Среди них мы узнаем, как заимствованные из индекса RGMs (Rapid-growth markets soft power index), так и исключительно авторские наблюдения и гипотезы отечественных исследователей дискурса мягкой силы. Среди «операционализованных» категорий мы обнаружили следующие: русская кухня, искусство, наука, туризм,

историческое наследие, архитектура, мода и дизайн, гуманитарная помощь, образование, демократические ценности, русская православная церковь, политические лидеры, экологические программы и проекты, спортивные победы, музыкальная индустрия, кинематограф, национальные культурные ценности, международные коммуникации, распространенность языка, здравоохранение и др. [Корнеева, Волков, 2015].

В исследовании Д.М. Ковалевой [Ковалева, 2013, 123-124] отмечаются три института рейтингового изучения концепта soft power: Institute for Government (британская организация, направленная на повышение эффективности государственного управления) предложил вычислять рейтинг «мягкой силы» на основе учета субъективных и объективных критериев. Было выделено пять компонентов «мягкой силы»: культура, правительство, образование, дипломатия, бизнес, каждый из которых содержал подкомпоненты. Данные были взяты из отчетов различных международных или национальных организаций (например, у Всемирной организации интеллектуальной собственности, Transparency International и др.). Субъективная оценка «мягкой силы» получилась на основе данных журнала «Монокль». Попытку создать рейтинг «мягкой силы» предприняли и российские ученые: московский институт исследования быстроразвивающихся рынков «Сколково» совместно с компанией "Ernst & Young" рассчитали количественный индекс «мягкой силы». Среди критериев – показатели туристических и миграционных потоков, верховенство закона, число олимпийских медалей, знание английского языка населением страны, размер выброса CO₂ и др. [Ковалева, 2013, 118-132; Русакова, 2015, 44-59].

В качестве отдельного стратегического направления в области параметров оценки и ресурсов реализации «мягкой силы», поддерживающих государственный бренд, мы выделяем спорт. В каждом из трех указанных Д.М. Ковалевой исследовательских проектах мы атрибутивно обнаруживаем переменную спорта.

1. «Сколково» совместно с компанией "Ernst & Young": "The Olympics are a unique opportunity for countries to assert a global presence and earn admiration from other countries. During the Cold War, the Olympic Games were a unique opportunity for the Communist Bloc to assert their athletic dominance against the West and augment their soft power — although these intense rivalries and their subsequent soft power potential have diminished in recent decades. The total number of medals won during the past two Olympic Games is used as an indicator" [Rapid-growth markets soft power index, 2012].

2. Institute for Government: "Olympic profile: Number of Olympic gold medals won in last summer and winter games (International Olympic Committee Database)" [The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power 2012].

3. "Monocle": "The results are in for Monocle's annual Soft Power Survey. We have once again collaborated with the Institute for Government to come up with 30 countries who best attract favour from other nations through cul-ture, sport, cuisine, design, diplomacy and beyond" [Soft Power Survey, 2014].

Ежегодно при публикации «Глобального рейтинга стран» издательства и научные институты, комментируя движение стран внутри него, особую роль отдают спорту и спортивным достижениям страны. Обсуждение журналистским сообществом и аналитиками ежегодного рейтинга бренд-стран в обзоре «мягкой силы» уже с первых страниц сводится к признанию роли Олимпийского движения, ответственного за стремительное перемещение стран по позициям данного рейтинга. Так, первенство Великобритании в 2012 году в итогах Soft Power-rating было, по их мнению, обеспечено Летней Олимпиадой в Лондоне. Уже тогда эксперты начинают предсказывать положительную динамику «мягкого» могущества Бразилии как организатору следующей Летней Олимпиады.

Спорт является одним из ключевых ресурсов и активных инструментов в палитре национальной soft power, с научной достоверностью раскрывающей его через призму основных идей, лежащих в основании данной концепции. Ключевыми категориями парадигмы «мягкой власти» являются дискурс соблазна, мобильности, идентичности, символизма, ресурсы коммуникации и социальности.

В чем же заключается могущество Олимпиады, ее волшебная сила? Олимпийские игры впервые состоялись в Древней Греции (IX век до н.э.). Сведения о происхождении игр утеряны, но сохранилось несколько легенд, описывающих это событие. Центром олимпийского мира древности был священный округ Зевса в Олимпии – роща вдоль реки Алфей, недалеко от впадающего в нее ручья Кладей. В этом прекрасном городке Эллады почти триста раз устраивались традиционные общегреческие состязания в честь бога-громовержца. Олимпийские игры Древней Греции представляли собой религиозный и спортивный праздник, проводившийся в Олимпии. Все происходящее связано с подвигами Олимпийских богов (Olympioi theoi) Зевса, Геры, Посейдона, Афины, Афродиты и др. Вся Олимпийская мифология проникнута торжеством мероприятия, культом духа и красоты, возвеличиванием человека, триумфом справедливости.

Величавость, божество, сверхъестественное, легендарное, непобедимое, власть, красота, гармония, доблесть, безупречность, священность – эпитеты, когниции, сопровождающие Олимпийские игры. Одновременно все это и категории соблазна в концепции «мягкой силы». Так, в тематических источниках указывают: «мягкая» властная сила достигает своих стратегических целей, не прибегая к внешнему материализованному насилию. Ее инструментами влияния выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные визуальные и аудиальные образы» [Русакова, 2010, 174]. Дискурс соблазна занимает ключевую позицию в теории soft power. Так, и вокруг Олимпиады существует ореол притягательности и легендарности, олимпийская мечта для страны-хозяйки, спортсменов, болельщиков и зрителей.

Структурно-функциональный анализ спорта позволяет выделить большой набор функций, который он выполняет в качестве самостоятельного социального института. Будучи изначально «подручным» феноменом, спорт набирает все необходимые условия и признаки

безотносительности, самобытности и автокефальности. Однако в XX веке неисчерпаемое содержание социоэмоционального, консолидирующего и нравственно-патриотического капитала не позволяет спорту оставаться незамеченным политическими акторами. В своей способности воздействия на большую группу людей спорт обнаружил себя в арсенале политических инструментов. Именно процессы политизации и коммерциализации вывели спорт из разряда чисто культурологического явления.

Активное апеллирование к спорту и его символическим ресурсам как инструменту политических и экономических манипуляций происходило на протяжении всего прошлого века. Спорт превратился в эффективный канал политической коммуникации, драйвер роста политического статуса страны, региона и политической элиты. В качестве ресурсов «мягкого» политического превосходства региона можно отметить рейтинги местных спортивных клубов, активность трансфера спортсменов, количественно-качественные показатели спортивной инфраструктуры и ее географию, спортивные «пантеоны», бренды. Кроме «внешне-политических» имиджевых бонусов для страны, спорт являет собой эффективный институт лоббирования внутрирегиональных интересов. Среди всего ряда социетальных и агональных функций спорта большее значение мы придаем его ресурсам в конструировании региональной идентичности. В мировой практике часты случаи, когда какой-либо вид спорта в значительной степени влиял на идентичность целых регионов и стран (Каталония, Италия, Бразилия, Аргентина и др.). Налицо превращение спортивной идентичности в политическую, а спортивных символов и «героических пантеонов» – в средства формирования политических идентичностей современной России и ее регионов. Спорт, таким образом, – это бездонная кладовая для увеличения своего могущества, привлекательности и брендинга многих социальных практик, помимо большой политической арены [Корнеева, Волков, 2015; Корнеева, 2016].

Утверждая, что спорт представляет собой неотъемлемый атрибут концепции «мягкой» силы, мы можем сослаться на эмпирическое исследование 2016 года, посвященное всей палитре национальных ресурсов soft power России. В ходе статистической обработки результатов исследования авторы аргументировано локализовали спор в качестве самостоятельного параметра национальной мощи и государственного бренда. Так, в исследовании переменная «Спортивные победы и проекты» не имела аномально большого количества корреляций с другими параметрами. Это говорит о том, что для большинства респондентов она представляет собой абсолютно самостоятельный и важный компонент внешнеполитического образа России. Этот компонент занимает не первое место по своей важности, но понимается людьми достаточно четко и находится в числе тех параметров, которым люди приписывают большую значимость. Здесь также важно отметить, что в ходе анализа не было выявлено никаких расхождений во взглядах на спорт между ответами людей разных возрастов, профессий и пола. Спорт – сугубо символический и эмоциональный компонент внешнеполитического образа государства, что делает его простым и доступным для пони-

мания: людям может быть сложно оценивать, насколько влияет на внешнеполитический образ страны церковь или демократические ценности, но при этом судить о роли популярных спортсменов существенно проще. Поэтому мы полагаем, что спортивные победы и проекты вполне предсказуемо и закономерно видятся людям одним из достаточно важных параметров привлекательного внешнеполитического образа России [Корнеева, 2016, 49-60].

Ответы респондентов ярко продемонстрировали, что спорт – это один из тех факторов, от которых, по мнению самих опрошенных, очень сильно зависит внешнеполитический имидж России. Уже само по себе это говорит о том, что спорт – не просто культурное или состязательное мероприятие, это именно важная часть имиджа государства. В данном случае само приписывание высокого значения спорту уже является показателем того, что спорт – это имиджевая, во многом именно политическая единица. Кроме того, в ответах опрошенных спорт и политические лидеры – это равноценные части единого символического поля, воздействующего на формирование внешнеполитического образа России. Говорить о том, что спорт политизирован, в данном случае можно с полной уверенностью.

Рассуждать сегодня о политических возможностях спорта и целой палитре его ресурсов как инструментах «мягкой силы» в спектре региональных и национальных интересов уже не представляется актуальным. Спорт в последнее время переживает яркую международную реполитизацию, а процесс политизации приближается к кульминации политиканства. Страны и регионы, задействующие спорт в качестве «мягкого влияния», получают активное и «жесткое» противодействие от своих контрагентов: бойкотирование игр, обвинения в коррупции, санкции, отстранения от должностей руководителей крупнейших организаций, попытки изменять географию крупных спортивных мероприятия и др.

Руководствуясь вышеизложенной логикой, можно уверенно заявить: с позиции политических контрагентов спорт становится идеальной мишенью для его дискредитации в качестве странового бренда. Очевидно, «политическим» бомбардировкам сложнее поддаются куда более фундаментальные культурно-исторические феномены (литература, архитектура, историческое наследие, искусство).

В рамках дальнейшего исследования мы решились на эмпирическое изучение самых востребованных антироссийских «антидотов»: коррупция и до-пинг. Цели «закордонного» информационного шума (бойкотирование игр, обвинения в коррупции, санкции, отстранения от должностей руководителей крупнейших организаций, попытки изменять географию крупных спортивных мероприятия и др.) – нивелирование имиджевого потенциала российского спорта. Кроме того, политизация спорта позволяет западным «партнерам» наносить «двойной удар» и по «сцепленным» со спортом признакам: сила политического влияния на другие страны и вес самих политических лидеров. Показательными в этом плане выступают заголовки европейских газет, утверждающие, что употребление допинг-препаратов олимпийцами и параолимпийцами велось лично с разрешения Президента РФ В.В. Путина, а также мнение немецких журналистов, что

отстранение Министра спорта В.Л. Мутко невозможно в силу дружеских отношений с В.В. Путиным.

Система давления, оказываемого на спортивное достояние России, с оче-видностью обнаруживает себя в концепции «жесткой силы». Так, О.Ф. Русакова раскрывает смысловое назначение феномена «жесткой силы»: «Понятие жесткой власти (hard power) выполняет функцию смыслового антипода soft power. Hard power интерпретируется как твердость, устойчивость, непреклонность, прямолинейность, холодность (нордический стиль), «жесть», грубость в способах воздействия и достижения цели, как «мускульное» силовое давление, выступающее в образном плане выражением «мужской» силы. В системе кратологических терминов жесткой власти более всего соответствуют понятия насилия, подавления, принуждения и господства. В политологических исследованиях под жесткой властью чаще всего подразумеваются силы военного, экономического, административного, правового и иного принуждения. Субъективно власть, обозначаемая термином hard power, воспринимается как давление и диктат внешних сил, которым субъекты вынуждены уступать и подчиняться в силу материального и социально-статусного превосходства источников hard power [Русакова, 2010, 173-174].

Исследуемые феномены коррупции и допинга в спорте как угрожающие его репутационной силе воспринимаются респондентами абсолютно дифференцированно и интерпретируются как имеющие различную природу. Коррупция в спорте глазами опрошенных – аполитичный и околоспортивный феномен, имеющий внутренние, экономические корни, а сама коррумпированность спортивной среды воспринимается респондентами скорее как сугубо национальная проблема с малоперспективным будущим в своем решении. В случае, если обвинения в коррупции европейских чиновников соответствуют действительности, то, по мнению отвечающих, это в большей степени также явление финансового ряда. Ментальная репрезентация коррупционного дискурса претерпевает трансформацию, если речь идет о его ангажированности и выходе за «суверенные» национальные границы уже в качестве предмета международного обсуждения. Респонденты за манифестацией внутриинституциональных коррупционных процессов обнаруживают задачи политического толка, персонифицирующие «внешних» акторов мировой политической арены. По сравнению с коррупцией, допинговые разоблачения и обвинения в употреблении допингов в большей степени наносят урон имиджевой, «мягкой силе» отечественного спорта. Антидопинговые санкции в адрес нашей Олимпийской сборной – политическое оружие по «ребрендингу» ее спортивного достояния, скорее всего, детерминированное растущей политической ролью России в международных отношениях.

Когницию следующего содержания мы можем констатировать: спорт «внутренний» – коммерциализирован, «международный» – политизирован. Сами же спортивные проекты и победы для опрашиваемых – инструмент повышения международного имиджа России, до-

полнительными «бонусами» в реализации которых выступают социоэмоциональные, градостроительные и микроэкономические выгоды для региона.

Трансформация политической коммуникации на мировой арене потребовала новых каналов и агентов опосредованного взаимодействия. Спорт взял на себя функцию новой площадки «жесткого» переговорного процесса. Переговоры «под столом», в свою очередь, свелись к демонстрации административных, экономических и политических ресурсов в международной спортивной жизни со стороны ведущих держав. По аналогии с Великой шахматной доской З.К. Бжезинского, можно предположить, что арена спортивных состязаний сегодня – место встречи всех претендентов на мировое геополитическое могущество. Спортивная геостратегия ряда политических акторов с нарастающей очевидностью обналичивает основных субъектов «мягкого» и «жесткого» влияния. Каждый раз сама возможность реализовать спортивный потенциал России – это результат символического лоббирования национальных интересов агентами «неспортивной» власти.

Множество аппаратов регуляции и формализации мировых спортивных процессов (WADA, IAAF, CAS, IOK, EOK, WBC и др.) переродились в агентов «нового» политического диалога и противостояния. Наблюдая процесс форматирования и закрепления иных способов коммуницирования и воспроизводства системы санкций, правил и норм в спортивном дискурсе, мы получаем право на идентификацию его как псевдолегитимного и окологоспортивного. Не имеющая аналогов в новейшее время флуктуация по субъектам и регуляторам спортивного сожительства демонстрирует воспроизведение новых механизмов и форм интеракции в спорте, что с очевидностью позволяет констатировать процедуру параллельной институализации спортивных практик. Переживая политическую социализацию, ранее независимые институты спортивного толка становятся подчинены жизненному циклу политического конфликта. Анонсированная как самостоятельный властный ресурс, WADA является независимой стороной в своих решениях и полномочиях спортивного микрокосма, в конфликтологическом же дискурсе она выступает лишь в статусе рядового участника, перешедшего с недавнего времени в разряд «активных» и вовлеченного в удовлетворение интересов политического западноевропейского «союза». Вся совокупность структур, ответственных за спортивное международное движение, обрекает себя на бесконечную приватизацию сторонами конфликта, а баланс сил самих сторон определяется «репутационным» весом и полномочиями данных организаций.

Сегодня терминологический ряд, характеризующий Олимпизм, с эпитетов, «прославляющих» его, переход на эпитеты, нивелирующие его «могущество»: «Олимпиада в Рио сейчас – это как война», и больше: «базар», «ужасная», «личный кошмар», «зоопарк», «отравленная политикой», «холодная война», «жаркие», «опасная», «странные», «политическое шоу», «низкопробная», «спортивный нацизм», «игрища», «политическая витрина», «политический прецедент», «грязные игры», «политический сговор», «заказные» и др. Очевидна сверхполитичность организации и Игр, запустившая необратимый процесс вы-

теснения гуманитарного, дипломатического и мироподдерживающего аспекта его ресурсов. Масс-медийность, символизм и субъекция с ресурсного поля спорта переходят в арсенал «грубой» трансляции объектов спортивной материи и переформатирования ментального поля адресатов публичной коммуникации.

Главными векторами в стратегическом управлении развернувшихся спортивных баталий 2015-2016 годах можно считать следующие тенденции: политическую ангажированность, политиканство, «индивидуальный подход», персонализацию политической власти России. Прецедент нарушения гуманизма Игр и всех основополагающих принципов Олимпизма (миротворчество, солидарность, недопустимость дискриминации, гармония спортивного, культурного и образовательного, уважение и подчинение ценностям и основам этики) создает реальную угрозу реверсии спорта из стратегического инструмента «мягкой силы» в международных отношениях в «жесткий ресурс» политического давления, насилия и господства. Нивелирование и «демонтаж» спортивного наследия и наличных спортивных достижений – новая целенаправленная и последовательно развертывающаяся грань коммуникационного менеджмента во внешнеполитической сфере. По сути, "hard", способ внешнеполитического воздействия в спортивном дискурсе, вооруженный коррупцией и информационно-психологическими технологиями манипулирования массовым сознанием, в настоящее время уже не долгосрочный инструмент репутационного роста государства, а краткосрочное оружие для поражения системно-институциональной легитимности самого государства.

Библиография

1. Грибовод Е.Г., Русакова О.Ф. Некоторые итоги первого этапа междуна-родной конференции «Soft power: О.В. Сониная теория, ресурсы, дискурс» // Дискурс-Пи. 2014. № 4. С. 193-195.
2. Ковалева Д.М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. 2013. № 1. С. 118-132.
3. Корнеева В.А. Спортивные символы как инструмент формирования и трансформации политических идентичностей регионов // Политическая лингвистика. 2016. Т. 1 (55). С. 93-98.
4. Корнеева В.А., Волков А.В. Спортивный дискурс soft power в рели-гиозной политике современной России // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4. Т. 12. С. 8-87.
5. Русакова О.В. (ред.) Soft power: теория, ресурсы, дискурс. Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2015. 376 с.
6. Русакова О.Ф. Методологические проблемы категориального и инстру-ментального анализа soft power // Дискурс-Пи. 2014. № 1. С. 70–76.

7. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. С. 173-193.
8. Русакова О.Ф. Эта странная «Мягкая сила» (о выходе в свет коллективной монографии «Soft power: теория, ресурсы, дискурс») // Дискурс-Пи. 2015. № 1. С. 144-147.
9. Rapid-growth markets soft power index, 2012. URL: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf
10. Soft Power Survey, 2014. URL: <http://monocle.com/search/soft-power/>
11. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power, 2012. URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf

Sport as the scope of "soft" and "hard" power of political influence

Ol'ga F. Rusakova

Doctor of Politics, Professor,
Head of the Department of philosophy,
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
620144, 68, 8 Marta st., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Vera A. Korneeva

Head of the Department of conflictology and management,
Institute of Psychology, Ural State Pedagogical University,
620017, 26, Kosmonavtov av., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: ya-krasawka@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to one of the topical issues of the last two years – the balance of the political and sports components in the ongoing Olympic discourse. Sport as an instrument of "soft power" in the national policies of the countries, the subject of study of contemporary political science, and theoretical basis of foreign policy strategies. The authors consider the sport as an independent, mobile resource and identifier of political image and influence. In the methodology, the concept of "soft power" is a social attribute, cultural and symbolic representation of regional and national policies and their strategies, wealth, attrac-

tiveness and prestige. The hegemony of sport in the national line of branded resources is popularizing and integrated indicator of solutions of socio-cultural, economic and political problems. "Engineering" sports policy allows the subjects of "soft power" to moderate and implement successful practices of socio-emotional nature: the population consolidation, facilitation of social tension, actualization of feelings of national identity and superiority. It is obvious that the transformation of the peacekeeping mission of the sports celebration is the main strategy of the countries in the implementation of "soft power" of sport in the international arena. Political reflection counterparties causes them to develop a new strategic plan for the leveling of the potential implementation of the "soft power" of other countries, including their sports heritage. Today, the political technology of conducting sports "war" is the exchange of accusations. Western opposition to Russian sports domain initiates of intervention set of structures responsible for the sports movement, including international: WADA, IAAF, CAS, IOK, EOK, WBC, and others. Change subjects and regulators of sports co-residence demonstrate the reproduction of new mechanisms and forms of interaction in sport discourse. This suggests a parallel institutionalization of the process of conflict resolution there. This article involves two sought-after instruments to discredit sports image of Russia: corruption and doping.

For citation

Rusakova O.F., Korneeva V.A. (2016) Sport kak sfera primeneniya "myagkoi" i "zhestkoi" sil politicheskogo vliyaniya [Sport as the scope of "soft" and "hard" power of political influence]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 5 (5A), pp. 195-207.

Keywords

Sport, politicization of sports, "soft" power, "hard" power institutionalization, corruption, doping.

References

1. Gribovod E.G., Rusakova O.F. (2014) Nekotorye itogi pervogo etapa mezhdunarodnoi konferentsii "Soft power: O.V. Sonina teoriya, resursy, diskurs" [Some results of the first stage of the international conference "Soft power: O.V. Sonin theory, resources, discourse"]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 4, pp. 193-195.
2. Korneeva V.A. (2016) Sportivnye simvolyy kak instrument formirovaniya i transformatsii politicheskikh identichnostey regionov [Sports symbols as a means of formation and transformation of political identity of regions]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 1 (55), pp. 93-98.

3. Korneeva V.A., Volkov A.V. (2015) Sportivnyi diskurs soft power v re-ligioznoi politike sovremennoi Rossii [Sports discourse of soft power in the religious policy of modern Russia]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 3-4 (12), pp. 8-87.
4. Kovaleva D.M. (2013) Kontsept soft power kak predmet izucheniya sovremennoi politicheskoi nauki i teoreticheskaya osnova vneshnepoli-ticheskikh strategii [Concept of soft power as subject of study of modern political science and theoretical basis for foreign policy strategy]. *Nauchnyi ezhegodnik IFiP UrO RAN* [Scientific yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of the Russian Academy of Sciences], 1, pp. 118-132.
5. *Rapid-growth markets soft power index, 2012*. Available at: http://www.skolkovo.ru/public/media/documents/research/SIEMS_Monthly_Briefing_2012-06_eng.pdf [Accessed 15/08/2016].
6. Rusakova O.F. (2015) Eta strannaya "Myagkaya sila" (o vykhode v svet kollektivnoi monografii "Soft power: teoriya, resursy, diskurs") [This is a strange soft power (about the appearance of the collective monograph "soft power: theory, resources, discourse")]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 1, pp. 144-147.
7. Rusakova O.F. (2010) Kontsept "myagkoi" sily (soft power) v sovremennoi politicheskoi filosofii [The Concept of "Soft Power" in Contemporary Political Philosophy]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filo-sofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Research yearbook of the Institute of Philosophy and Law of The Urals Division of the Russian Academy of Sciences.], pp. 173-193.
8. Rusakova O.F. (2014) Metodologicheskie problemy kategorial'nogo i instrumental'nogo analiza soft power [Methodological Problems of categorical and instrumental analysis of Soft Power]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 1, pp. 70-76.
9. Rusakova O.V. (ed.) (2015) *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft Power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg : Izdatel'skii dom "Diskurs-Pi".
10. *Soft Power Survey, 2014*. Available at: <http://monocle.com/search/soft-power/> [Accessed 08/12/2014].
11. *The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power, 2012*. Available at: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf [Accessed 15/08/2016].